

Концепция «*nesting orientalism*» в восточноевропейском социально-философском дискурсе

Клепикова Любовь Владимировна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Российский университет транспорта (МИИТ).
Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0001-5659-6120. E-mail: sevell1@rambler.ru

Аннотация. В работе рассматривается феномен групповой и национальной идентичности, сконструированной на основе дихотомии Восток-Запад. Целью является анализ еще нераспространенной в отечественной научной литературе концепции «*nesting orientalism*», предложенной сербским исследователем М. Бакич-Хайден. Данная концепция является производной от «ориентализма» Э. Саида, в исследовании которого демонстрировалось, каким образом на протяжении столетий, благодаря совокупности ориенталистских репрезентаций, Восток начал позиционироваться как мировоззренческая противоположность Западу. Главная идея концепции «*nesting orientalism*» заключается в том, чтобы, с одной стороны, отойти от рассмотрения образов Востока и Запада как гомогенных сущностей, с другой стороны, показать гетерогенность образа Востока. Автор данной работы анализирует концепцию «*nesting orientalism*» в ее первоначальном виде, описанном М. Бакич-Хайден, и проводит сравнительный анализ применения концепции другими исследователями: в каких областях она была применена, для каких целей, каким изменениям или дополнениям была подвергнута. Делается вывод о том, что концепция «*nesting orientalism*», в отличие от «ориентализма», позволяет: во-первых, отойти от гомогенной бинарности Восток-Запад; во-вторых, взглянуть на образ «Востока» не как на единую целостность, но как на совокупность идентичностей разнообразных социальных групп, которые нередко строят свои идентичности на основе целенаправленной маргинализации соседних или ближайших к ним других социальных групп; в-третьих, анализировать процесс конструирования идентичности и саморепрезентаций не только в контексте этнических и религиозных, но и социально-экономических отличий между социальными группами. Концепция «*nesting orientalism*» может быть использована в отечественных социально-философских исследованиях в областях изучения конструирования групповых идентичностей, процессах самопрезентации или маргинализации различных социальных групп.

Ключевые слова: ориентализм, *nesting orientalism*, Восток, Запад, дискурс, репрезентация, Европа, идентичность.

При исследовании общества и бытующих в нем социальных и духовных процессов исследователь всегда имеет в виду, что они происходят не только в связи с влиянием объективных событий, но и вследствие того, через какие образы общество интерпретирует эти события. Стоит отметить, что в определенный момент созданные образы становятся неотъемлемыми элементами социальной реальности. Особенно ярко это видно на примерах того, как определенные общества и регионы репрезентуются в общественном дискурсе.

Термин «ориентализм» был введен литературоведом Э. Саидом в его монографии «Ориентализм: западные концепции Востока» (1978). Данный термин уже давно известен и используется как зарубежными [14; 20; 21; 22], так и отечественными исследователями [1; 2; 3]. Под «ориентализмом» исследователь понимал в первую очередь совокупность репрезентаций, с помощью которых западное общество, с одной стороны, воспринимало и познавало Восток, а с другой стороны, утверждало экономическую и политическую власть над Востоком, так как сам Восток в западном дискурсе был лишен возможности сам представлять себя [5, с. 35, с. 38]. Важным атрибутом ориентализма, описанного Э. Саидом, является его *самостоятельность* и *самодостаточность*. Это проявляется в том, что, во-первых, находясь в рамках ориентального дискурса, люди, будь то ученые, путешественники, писатели или политические деятели (Э. Саид называл их «ориенталистами»), говорят и пишут не о Востоке, а о собственном восприятии Востока, то есть репрезентуют Восток для себя и для близкой им аудитории. Во-вторых, ориенталистские репрезентации, будучи уже сконструированными, существуют независимо от того, что можно назвать «Востоком», «восточной культурой» или «странами востока». Ориентализм, по Э. Саиду, это прежде всего восприятие феномена Востока на коллективном и индивидуальном уровнях. Следовательно, ориентальные репрезентации в первую очередь должны не представлять «настоящий Восток», но быть понятными среднестатистическому западному человеку.

Научно-исследовательская ценность предложенной Э. Саидом концепции ориентализма состоит в том числе в том, что она позволяет ученым рассматривать одновременно две реальности: условно-объективную – пространственно-временной континуум, где происходят действия различного характера, и условно-имагинативную – совокупность интерпретаций этих действий, причем интерпретации будут вписаны в уже существующий дискурс, составные элементы которого можно обнаружить в литературных и публицистических текстах, политических заявлениях и т. д.

Однако ограниченность концепции Э. Саида заключалась в том, что автор сознательно рассматривал ориентализм исключительно сквозь призму колониальных отношений [13; 19]. В этом контексте колонизаторами выступали британцы, французы, впоследствии американцы, а под «Востоком» подразумевались в первую очередь страны Ближнего Востока и Северной Африки, то есть бывшие политические колонии [5, с. 35]. Соответственно, в качестве источников для исследования Э. Саид ограничивался корпусом англо-французских текстов. Данное обстоятельство сподвигло многих представителей научного сообщества к тому, чтобы расширить исследовательское поле, не только анализируя тексты немецких, австро-венгерских и др. авторов, но и пытаясь использовать ориентальную парадигму для изучения репрезентаций других политических регионов, например Восточной Европы и Балкан [6].

В работе «Изобретая Восточную Европу» американский историк Л. Вульф использует подход, подобный тому, который применял Э. Саид, – «Восточная Европа» фигурирует в качестве интеллектуального конструкта, созданного путешественниками эпохи Просвещения с целью описать Европу «через контраст с Восточной Европой, которая в то же время служила мостом между Европой и Востоком» [4, с. 39]. Можно отметить, что в работе Л. Вульфа «Восточная Европа» (как «Восток» в работе Э. Саида) выступает в качестве конструкта, который репрезентуется посредством рассказов европейских интеллектуалов, но не имеет самопрезентации.

Несколько иной подход использует американско-болгарский историк М. Тодорова («Imagining the Balkans»). Исследовательница разработала концепцию «балканизма», дискурса, который, не являясь частью ориентального дискурса, существует параллельно с ним. Если ориентализм предполагает оппозицию (Восток и Запад, Европа и Восточная Европа), то балканизм – это дискурс двойственности, в котором Балканы являются и Европой, и не-Европой одновременно [20]. Фокусируясь на Балканском регионе, Тодорова отмечает, что с западной точки зрения он является полуориентальным, не-Западом и не-Востоком.

«Ориентализм» Э. Саида и «балканизм» М. Тодоровой, являясь продуктивными концепциями для исследования специфики репрезентации определенных регионов в массовом сознании, тем не менее обладают ограничениями, которые заключаются главным образом в том, что области их применения – это конкретные регионы (ориентализм – постколониальный Ближний Восток, балканизм – Балканский регион). Кроме того, и ориентализм, и балканизм предполагают присутствие в дискурсах определенной степени гомогенности, проявляющейся в использовании схожих репрезентаций, даже когда речь о разных странах одного региона (Э. Саид даже приводит пример, когда ориентальный дискурс приводил к тому, что про Египет и Сирию писали, используя одни и те же образы и способы репрезентации [5, с. 41]).

В середине 1990-х сербский ученый Милица Бакич-Хайден ввела концепцию «*nesting orientalism*». Мы собираемся рассмотреть эту концепцию, ее атрибутивные свойства, особенности бытования в научной литературе и перспективы дальнейшего применения. В отечественной научной литературе концепция «*nesting orientalism*» до сих пор не распространена (по крайней мере, русскоязычных научных работ, использовавших эту концепцию, нам обнаружить не удалось).

Работу Милицы Бакич-Хайден «*Nesting Orientalisms: The Case of Former Yugoslavia*» (1995) можно с некоторой долей условности сравнить с трудом М. Тодоровой, так как в качестве исследовательского материала М. Бакич-Хайден также берет балканскую ситуацию. Но, в отличие от М. Тодоровой, М. Бакич-Хайден не только вновь использует концепцию ориентализма, но и дополняет ее, вводя понятие «*nesting orientalism*» [8]. На русский язык его можно перевести следующими способами: «встроенный ориентализм», «вложенный ориентализм», «ориентализм, встроенный вовнутрь», «ориентализм, обращенный вовнутрь». М. Бакич-Хайден отталкивается от понятия «Восток» в том виде, в котором его применял Э. Саид: «Восток» выступает в качестве дихотомической антитезы относительно «Запада», в результате чего возникает образ «Запада» – собирательной конструкции, воплощающей в себе представления

о «цивилизованном» и «прогрессивном». Соответственно, в рамках дихотомического дискурса, основанном на противопоставлении «Запада» и «Востока», «Восток» будет ассоциироваться с образами, противоположными «цивилизации» и «прогрессу». Исследовательница указывает на негеографическую природу «Востока», так как представления о местонахождении границы, отделяющей «цивилизованный Запад» от «нецивилизованного Востока», могут существенно меняться, в то время как «Восток» и связанные с ним ассоциации сохраняются.

Но в отличие от Э. Саида, М. Бакич-Хайден указывает на многослойность понятия «Восток». Несмотря на кажущуюся гомогенность, «Восток» можно разложить на такие составляющие, как «восточные страны», «Восточная Европа» или «Балканы» [8]. «Восточная Европа» будет отождествляться с «отсталостью», Балканы с «жестокостью», Индия – с «идеализмом» и «мистицизмом», но «Запад» остается гомогенным единством, чуждым по отношению к «отсталости», «жестокости» и «мистицизму». При этом Бакич-Хайден указывает на то, что «отсталость» и «жестокость» нельзя свести исключительно к идеологическим метафорам, они также определяют социально-научный язык влиятельных философов и писателей, начиная с эпохи Просвещения (Монтескье, Вольтер и Руссо) до настоящего времени. Этот язык выполняет важную функцию в процессе конструирования социальной реальности: происходит эссенциализация – когда, например, образ Балкан сливается с представлениями о «жестокости», и последняя начинает выступать как неотъемлемая черта, передающаяся из поколения в поколение, а значит, «навечно свойственная» Балканам. Появляются и перманентно обосновываются идеи о «врожденных качествах» разных людей, о «сущностях» разных наций. Бакич-Хайден отмечает, что эссенциализация и приписывание «врожденных качеств» – наиболее частый инструмент рационализации «судьбы нации» и «правильности» любых националистических идеологий. Причем к этому инструменту прибегали (и прибегают) отнюдь не только представители западных колониальных и постколониальных государств, но и лица, создающие политическую идентичность самих «ориентальных» стран. Исследовательница приводит в пример индийских лидеров Ганди и Неру, построивших национальную идеологию на базовых основах ориентального дискурса [8]. Данная идеология также предполагала существование эссенциальных и неизменных различий между «Западом» и «Востоком», но в «перевернутом» виде, когда «неотъемлемые свойства» «Востока» объявлялись более «правильными».

Наблюдения за тем, как видоизменялся ориентальный дискурс в разных политико-географических локациях, приводят Бакич-Хайден к концепции «*nesting orientalism*», которая, с одной стороны, воспроизводит дихотомию ориентального дискурса, но, с другой стороны, направлена на то, чтобы определенная социальная группа могла «де-ориентализировать» себя за счет «ориентализации» других. «В этой модели Азия является более “восточной” или “другой”, чем Восточная Европа; внутри самой Восточной Европы эта градация воспроизводится [схожим образом], причем Балканы воспринимаются как более “восточные”; на Балканах существуют схожие иерархии» (здесь и далее перевод мой. – Л. К.) [8]. Наиболее ярко эта модель прослеживается на примере бывшей Югославии: жители территорий, ранее принадлежавших Габсбургской империи, считают себя «более европейцами» по отношению к населению бывших территорий Османской империи; православные христиане считают, что по сравнению с ними европейские мусульмане «более ориентальны» и т. д.

Одна из ключевых идей, связанных с «*nesting orientalism*», это создание инструментария для построения национальной идентичности. В случае с Югославией Бакич-Хайден указывает на то, что исторический материал для конструирования идентичности находится в так называемых «европейских» периодах – это могут быть доюгославские времена, эпоха австро-венгерского правления, но период османского владычества будет характеризоваться исключительно в категориях противостояния «европейского» и «не-европейского» («мусульманского») [8]. По словам автора, это наглядно можно наблюдать на примере бывших югославских «северных республик», Словении и Хорватии, внутри социально-политического пространства которых существует дискурс о том, что столетия правления Габсбургов дали им право «присоединиться к Европе» в настоящее время. Этот дискурс также оказал влияние на другие бывшие югославские общества, укрепив распространенное на севере и западе Югославии мнение о том, что существует южное, «балканское бремя», которое замедлило, если не полностью помешало не-балканским частям страны стать тем, чем они «на самом деле» являются – «европейскими» [8]. Но если в случае со Словенией и Хорватией основную роль сыграла географическая близость к западной Европе, то другие югославы, которые, по словам Бакич-Хайден, набирают «меньше баллов» в вопросе о степени «принадлежности к Европе»,

компенсируют это, находя тех самых других, которые стоят еще «ниже» в «европейской» иерархии. «Таким образом, сербов, черногорцев и, в меньшей степени, македонцев объединяет двойственная идентичность: они чувствовали себя обязанными защищать свою «другую» европейскую принадлежность, подчеркивая свой взаимодополняющий вклад в европейское культурное наследие и культурную неоднородность, созданную османским завоеванием их территорий» [8]. Согласно сербско-черногорскому дискурсу, Балканы оказались «бастионом», в свое время защитившим остальную Европу от мусульманского завоевания. В подобном контексте приверженность христианской религии становилась неоспоримой ценностью, в связи с чем в роли негативных ориентализированных «других» стали выступать местные жители, принявшие ислам – религию осман-завоевателей. Показательным здесь выступает «игнорирование диахронического измерения прошлых событий» [8]. Бакич-Хайден обращает внимание, что в процессе конструирования идентичности события прошлого (османское завоевание, принятие частью балканского населения ислама) выступают как прямое объяснение современной ситуации, когда настоящее как бы «опрокидывается» в прошлое. В событиях прошлого, согласно этой модели, найдется место и проблеме принятия/непринятия в европейскую зону, и кризис вокруг мусульманских мигрантов, и превращение некоторых балканских стран в «бастионы» против исламской экспансии. При этом укрепляется изначальный ориентальный дискурс, по которому Балканы выступают зоной «жестокости» и «древней ненависти» по отношению друг к другу. Важной особенностью ориентального дискурса Бакич-Хайден видит то, что корни социальных, политических и религиозных конфликтов всегда находятся в глубине веков, в то время как актуальные причины или игнорируются, или позиционируются как непосредственное продолжение «исторических» причин.

Мы полагаем, что большое преимущество использования концепции «*nesting orientalism*», во-первых, состоит в возможности увидеть изучаемую ситуацию именно в разрезе проблем и конфликтов настоящего времени и проследить контекст формирования ситуации. Во-вторых, «*nesting orientalism*» представляет собой концептуальную призму, через которую можно максимально объективно изучать идеологическое мировоззрение социальных групп, вовлеченных в процессы «ориентализации» и «деориентализации». В-третьих, посредством «*nesting orientalism*» удобно исследовать процесс формирования национальной идентичности. После публикации работы М. Бакич-Хайден разработанная ей концепция была применена по нескольким научно-исследовательским направлениям.

Чаще всего можно наблюдать, как концепция «*nesting orientalism*» используется для анализа политико-идеологической грани социальной реальности. М. Бакич-Хайден выявила «*nesting orientalism*», больше ориентируясь на балканскую ситуацию, и особое внимание обращала на образ «цивилизационного моста», которую балканский регион исполнял на протяжении XIX–XXI вв. Впоследствии другие ученые продолжали использовать «*nesting orientalism*» для изучения балканской ситуации, особенно для анализа идеологической сферы жизни общества. Например, существуют научные работы [11], где концепция применяется для рассмотрения построения идентичности, основанной на осмыслении отношений с соседней нацией (социальной группой). При этом концепция интерпретируется в расширенном виде, так как автор считает нужным подчеркнуть отличие «традиционно западного» балканизма от балканизма самих югославов, так как для албанского меньшинства принципиально важно, как будет построено отношение остальных югославов по отношению к ним [11].

Исследователи прибегали к «*nesting orientalism*» не только в социально-идеологической плоскости (подразумевающей исследование культурно-идеологических репрезентаций различных социальных групп в литературных и публицистических репрезентациях), но в социальной сфере, связанной с мировым экономическим кризисом (2008–2013) [10]. В этом случае «*nesting orientalism*» интерпретируется как стратегия, репрезентирующая соседнюю страну как «более балканскую» по сравнению с собственной страной. Причем «*nesting orientalism*» оказывается органически связан с динамикой переписывания идеологических границ по принципу государств «более принадлежащих к Европе» или, соответственно, «менее европейских». Отмечается, что подобные идеологические спекуляции усиливаются во время таких мировых кризисов, как «холодная война» или мировой экономический кризис.

Однако концепция показала свою результативность не только в контексте Балкан. К примеру, «*nesting orientalism*» применялся для исследования «войн памяти» вокруг наследия Второй Мировой войны в государствах бывшего коммунистического блока [15], когда каждая

из сторон идеологического конфликта пытается выставить оппонента «менее европейским» (в конкретном случае исследователей интересовало, каким образом подобные конфликты отражаются на конструировании идентичности в странах Западной Европы).

Кроме того, «*nesting orientalism*» оказался продуктивной концепцией для исследования идеологического дискурса таких стран, как Греция [16] и Венгрия [7]. Если в первом случае автор стремился подчеркнуть роль литературных репрезентаций в процессе конструирования образа Балкан в массовом сознании греческих интеллектуалов XIX–XX вв., то во втором – исследователь акцентировал внимание на феномене возникновения границ между «Восточной» и «Центральной» Европой и на том, каким образом возникло понятие «Центральной» (отличной от «Восточной») Европы, к которой и причисляет себя Венгрия. В этом случае в качестве дихотомического противовеса «восточному» используется «центральное» как более близкое к «западному».

«*Nesting orientalism*» в современных исследованиях влияет не только на работы, посвященные конкретно проблемам конструирования идентичности и идеологического мировоззрения в таких регионах, как Балканы, страны бывшего коммунистического блока или Центральная Европа. Дискурс «*nesting orientalism*» способствует тому, что относительно «почти европейских», «скорее европейских» и «менее европейских» стран понятие «Европа» начинает мыслиться как нечто гомогенное и нединамичное. Таким образом, у ряда исследователей возникает вопрос, как Европа конструируется, каким образом очерчиваются ее идеологические границы, определяющие ее «органические» части и «обочины». Формируемый вокруг этих вопросов дискурс «*nesting orientalism*» настолько силен, что его можно рассматривать не только как нечто свойственное «европейским обочинам», но и как составную часть большого европейского дискурса, который разделяется всеми участвующими в нем индивидами [15; 17]. Иными словами, социальные группы, отождествляемые с «европейскими обочинами», сначала были вынуждены самоориентализироваться, а впоследствии частично деориентализироваться, назначив «менее европейцами» отдельную социальную группу.

Примечательно то, что далеко не всегда в качестве «ориентализированных» «других» выступают социальные группы другой этнической или религиозной принадлежности (как было в оригинальной работе Бакич-Хайден). Так, концепция «*nesting orientalism*» использовалась, чтобы проанализировать идеологические основы социально-экономической дифференциации внутри постсоциалистических обществ [9; 12; 18]. В этих работах демонстрируется, что в основе «внутренней ориентализации» («*nesting orientalism*») не обязательно лежит этническая или религиозная составляющая. Польский антрополог Михал Буховский в качестве атрибутивного признака «*nesting orientalism*» берет представления об экономической и духовной «отсталости», которые приписываются маргинализуемой группе. На примере польской ситуации исследователь рассматривает процесс, когда внутренняя социальная ориентализация происходит по трем направлениям: противопоставление 1) городского и сельского, 2) образованности и необразованности, 3) выигравших и проигравших от рыночной трансформации [9]. «Другому» необязательно быть отдаленным в пространстве, он может жить рядом, говорить на одном языке и исповедовать ту же религию. В центрально- и восточно-европейском контексте роль «ориентализированного другого» необязательно исполняют мигранты, нередко – это представители того же самого национального социума. Это делает «других» одновременно и отдельными, и всепроникающими. Они становятся объектами критики, так как объявляются ответственными за замедление прогрессивного развития социума. Объектами подобной критики могут выступать коррумпированные чиновники и алчные предприниматели, однако в общественном дискурсе «ориентализации» чаще подвергаются сельские работники и рабочие, олицетворяющие «отсталость». При этом речь часто идет о маргинализованных группах, которые когда-то были рабочими, но в связи с экономическими переменами не смогли адаптироваться и оказались в сфере «черного рынка» или мелкой преступности [9]. Эти группы наряду с сельскими общностями причисляются к «*homo soveticus*», который не имеет «гена креативности» и не способен видеть будущее [9].

«*Nesting orientalism*», лишенный этнической или религиозной составляющей, использовался еще в двух исследовательских контекстах. В первом случае – для анализа литературного нарратива, который осмыслял трансформации, происходившие во внутренней и внешней политике страны (в указанном примере – Хорватии) [18]. Во втором – в исследовании взаимодействия ориентализируемых групп с остальным населением (речь об исследовании социально-политического дискурса, бытующего в среде загребских футбольных фанатов –

группы, традиционно ассоциируемой с маргинальным поведением и национализмом) [12]. Таким образом, ярлык «менее европеец» маркирует далеко не только представителей других национальностей и вероисповеданий, но и социальные группы, которые в силу тех или иных причин стали восприниматься как «другие», связанные с такими качествами, как «отсталость», «негибкость» и «дикость».

В заключении следует отметить, что «*nesting orientalism*» обладает следующими характеристическими свойствами. Во-первых, если в случаях с ориентализмом и балканизмом, репрезентуемый репрезентируемый образ не имел собственной презентации, а исследователь смотрел на этот образ (Ближний Восток или Балканы) как на целое, то «*nesting orientalism*» сосредоточен на презентациях, формирующихся именно в социальных группах, представители которых чувствуют себя исключенными из представлений о «цивилизованном» и «склонному к прогрессу» обществе. Во-вторых, «*nesting orientalism*» показывает процессы социальной дифференциации в сообществах, где силен дискурс о том, кто имеет больше прав на общеевропейское цивилизационное наследие. В-третьих, «*nesting orientalism*» позволяет рассматривать несколько дискурсов одновременно и сравнивать их между собой (например, хорватский и сербский дискурсы о собственной включенности в европейское культурно-политическое пространство или причинах временной исключенности из этого пространства).

Концепция «*nesting orientalism*» открывает широкую перспективу в области исследования идеологических и ценностных основ, присущих конкретному социуму, а также изменения этих основ. В отличие от ориентализма и балканизма, «*nesting orientalism*» предполагает большую степень гетерогенности, так как сквозь его призму можно исследовать не только репрезентации, связанные с определенным регионом, но и комплексность репрезентаций во всех регионах. «*Nesting orientalism*» расширяет исследовательский фокус, позволяя обратить внимание, что ориентализация и социальная стигматизация в качестве «другого» может проходить не только по религиозному или географическому принципам, но и по принципу разных идеологических убеждений.

Список литературы

1. Алаев Л. Б. Востоковедение, европоцентризм, ориентализм и цивилизационные ценности // Вестник Института востоковедения РАН. 2018. № 1. С. 30–37.
2. Алимджанов Б. А. Ориентализм ориентализму рознь // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. № 4. С. 1488–1497. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2019.420.
3. Вахитов Р. Р. Евразийство и европеизация в России начала XX в.: «Российский ориентализм» и антиориентализм евразийства // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 2 (22). С. 123–129.
4. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 560 с.
5. Сауд Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. Санкт-Петербург: Русский Мир, 2006. 637 с.
6. Asboth T. E. Der „europäische Orient“: Transnationale und transatlantische Bilder vom »Balkan«, 1850–1918. Bielefeld: Transcript Verlag, 2023. 287 S.
7. Aydogan C. Nesting Orientalisms: Case of Hungary, Its Imaginary Occidentalisation Process, and Inconsistencies // International Relations and Diplomacy. 2020. № 7 (1). Pp. 22–28.
8. Bakić-Hayden M. Nesting Orientalisms: The Case of Former Yugoslavia // Slavic Review. 1995. № 54 (4). Pp. 917–931. DOI: 10.2307/2501399.
9. Buchowski M. Social thought and commentary: the specter of orientalism in Europe: from exotic other to stigmatized brother // Anthropological Quarterly. 2006. № 79 (3). Pp. 463–482.
10. Green S. Borders and the Relocation of Europe // Annual Review of Anthropology. 2013. № 42. Pp. 345–361. DOI: 10.1146/annurev-anthro-092412-155457.
11. Hetemi A. Seeing each other: Nesting Orientalisms and internal Balkanism among the Albanians and South Slavs in the former Yugoslavia // Rethinking Serbian-Albanian Relations. Routledge, 2019. Pp. 79–97.
12. Hodges A. The hooligan as 'internal' other? Football fans, ultras culture and nesting intra-orientalisms // International Review for the Sociology of Sport. 2016. № 51 (4). Pp. 410–427. DOI: 10.1177/1012690214526401.
13. Jobst K. S. Orientalism. E. W. Said und die Osteuropäische Geschichte // Saeculum. 2000. № 51.2. Ss. 250–266.
14. Madiou M. S. E. Orientalism, a Thousand and One Times // Islamic Studies. 2020. № 59.3. Ss. 285–317.
15. Malksoo M. Nesting Orientalisms at War: World War II and the 'Memory War' in Eastern Europe / In: Barkawi, Tarak and Stanski, Keith, eds. Orientalism and War. New York, US: Columbia University Press/Hurst, 2013. Pp. 177–195. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199327782.003.0009 (дата обращения: 05.04.2024).
16. Marazopoulos P. "Reversed nesting orientalism": the concept of orientalism in a European context // Slovanský přehled: historická revue pro dějiny střední, východní a jihovýchodní Evropy (Slavonic Review: Review for Central, Eastern and Southeastern European history). 2023. № 109 (1). Pp. 69–83.

17. Segnini E. Orientalism within Europe: Introduction // Journal of European Studies. 2016. № 46 (3-4). Pp. 214–220. DOI: 10.1177/0047244116664644.
18. Šetek N. Croatia's self-colonization: Intra-national nesting orientalism in Renato Baretić's Osmi povjerenik // Journal of European Studies. 2016. № 46 (3-4). Pp. 281–295. DOI: 10.1177/0047244116664650.
19. Schmidinger T. Orientalismus und Okzidentalismus. Zur Einführung in die Begrifflichkeiten und die Debatte. 2009. URL: https://homepage.univie.ac.at/thomas.schmidinger/php/lehre/orientalismus_okzidentalismus.pdf (дата обращения: 05.04.2024).
20. Todorova M. Imagining the Balkans. Oxford : Oxford University Press, 1997.
21. Turner B. Edward W. Said: overcoming orientalism // Theory, Culture & Society. 2004. № 21.1. Pp. 173–177.
22. Varisco D. M. Reading Orientalism: Said and the unsaid. University of Washington Press, 2017.

The concept of "nesting orientalism" in the Eastern European socio-philosophical discourse

Klepikova Liubov Vladimirovna

PhD in Philosophy Sciences, associate professor of Philosophy, Russian University of Transport (MIIT).
Russia, Moscow. ORCID: 0000-0001-5659-6120. E-mail: sevell1@rambler.ru

Abstract. The paper examines the phenomenon of group and national identity, constructed on the basis of the East-West dichotomy. The aim is to analyze the concept of "nesting orientalism", which is still widespread in the Russian scientific literature, proposed by the Serbian researcher M. Bakic-Hayden. This concept is derived from the "orientalism" of E. Said, whose research demonstrated how over the centuries, thanks to the totality of orientalist representations, the East began to position itself as the ideological opposite of the West. The main idea of the "nesting orientalism" concept is, on the one hand, to move away from considering the images of the East and the West as homogeneous entities, on the other hand, to show the heterogeneity of the image of the East. The author of this work analyzes the concept of "nesting orientalism" in its original form, described by M. Bakich-Hayden, and conducts a comparative analysis of the application of the concept by other researchers: in which areas it was applied, for what purposes, what changes or additions it was subjected to. The conclusion is drawn that the concept of "nesting orientalism", unlike "orientalism", allows: firstly, to move away from the homogeneous binary of East-West; secondly, to look at the image of the "East" not as a single whole, but as a set of identities of various social groups, which are often They build their identities on the basis of purposeful marginalization of neighboring or other social groups closest to them.; Thirdly, it is necessary to analyze the process of identity construction and self-representation not only in the context of ethnic and religious, but also socio-economic differences between social groups. The concept of "nesting orientalism" can be used in Russian socio-philosophical research in the fields of studying the construction of group identities, the processes of self-representation or marginalization of various social groups.

Keywords: orientalism, nesting orientalism, East, West, discourse, representation, Europe, identity.

References

1. Alaev L. B. Vostokovedenie, evropocentrizm, orientalizm i civilizacionnye cennosti [Oriental studies, Eurocentrism, orientalism and civilizational values] // Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN – Herald of Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 2018. No. 1. Pp. 30–37.
2. Alimdzhanov B. A. Orientalizm orientalizmu rozn' [Orientalism is different from orientalism] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija – Herald of St. Petersburg University. History. 2019. No. 4. Pp. 1488–1497. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2019.420.
3. Vahitov R. R. Evrazijskvo i evropeizaciya v Rossii nachala XX v.: "Rossijskij orientalizm" i antiorientalizm evrazijskva [Eurasianism and Europeanization in Russia at the beginning of the twentieth century: "Russian Orientalism" and anti-Orientalism of Eurasianism] // Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke – Humanitarian Studies in Eastern Siberia and the Far East. 2013. No. 2 (22). Pp. 123–129.
4. Wolf L. Izobretaya Vostochnuyu Evropu: Karta civilizacii v soznanii epohi Prosveshcheniya [Inventing Eastern Europe: A Map of Civilization in the Consciousness of the Age of Enlightenment]. M. New Literary Review, 2003. 560 p.
5. Said E. Orientalizm. Zapadnye koncepcii Vostoka [Orientalism. Western concepts of the East]. SPb. Russkiy Mir (Russian World), 2006. 637 p.
6. Asboth T. E. Der "europäische Orient": Transnationale und transatlantische Bilder vom »Balkan«, 1850–1918. Bielefeld : Transcript Verlag, 2023. 287 p.
7. Aydogan C. Nesting Orientalisms: Case of Hungary, Its Imaginary Occidentalisation Process, and Inconsistencies // International Relations and Diplomacy. 2020. No. 7 (1). Pp. 22–28.
8. Bakić-Hayden M. Nesting Orientalisms: The Case of Former Yugoslavia // Slavic Review. 1995. No. 54 (4). Pp. 917–931. DOI: 10.2307/2501399.

9. *Buchowski M.* Social thought and commentary: the specter of orientalism in Europe: from exotic other to stigmatized brother // *Anthropological Quarterly*. 2006. No. 79 (3). Pp. 463–482.
10. *Green S.* Borders and the Relocation of Europe // *Annual Review of Anthropology*. 2013. No. 42. Pp. 345–361. DOI: 10.1146/annurev-anthro-092412-155457.
11. *Hetemi A.* Seeing each other: Nesting Orientalisms and internal Balkanism among the Albanians and South Slavs in the former Yugoslavia // *Rethinking Serbian-Albanian Relations*. Routledge, 2019. Pp. 79–97.
12. *Hodges A.* The hooligan as 'internal' other? Football fans, ultras culture and nesting intra-orientalisms // *International Review for the Sociology of Sport*. 2016. No. 51 (4). Pp. 410–427. DOI: 10.1177/1012690214526401.
13. *Jobst K. S.* Orientalism. E. W. Said und die Osteuropäische Geschichte // *Saeculum*. 2000. No. 51.2. Ss. 250–266.
14. *Madiou M. S. E.* Orientalism, a Thousand and One Times // *Islamic Studies*. 2020. No. 59.3. Ss. 285–317.
15. *Malksoo M.* Nesting Orientalisms at War: World War II and the 'Memory War' in Eastern Europe / In: *Barkawi, Tarak and Stanski, Keith, eds. Orientalism and War*. New York, US : Columbia University Press/Hurst, 2013. Pp. 177–195. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199327782.003.0009 (date accessed: 05.04.2024).
16. *Marazopoulos P.* "Reversed nesting orientalism": the concept of orientalism in a European context // *Slovanský přehled: historická revue pro dějiny střední, východní a jihovýchodní Evropy (Slavonic Review: Review for Central, Eastern and Southeastern European history)*. 2023. No. 109 (1). Pp. 69–83.
17. *Segnini E.* Orientalism within Europe: Introduction // *Journal of European Studies*. 2016. No. 46 (3–4). Pp. 214–220. DOI: 10.1177/0047244116664644.
18. *Šetek N.* Croatia's self-colonization: Intra-national nesting orientalism in Renato Baretić's *Osmi povjerenik* // *Journal of European Studies*. 2016. No. 46 (3–4). Pp. 281–295. DOI: 10.1177/0047244116664650.
19. *Schmidinger T.* Orientalismus und Okzidentalismus. Zur Einführung in die Begrifflichkeiten und die Debatte. 2009. Available at: https://homepage.univie.ac.at/thomas.schmidinger/php/lehre/orientalismus_okzidentalismus.pdf (date accessed: 05.04.2024).
20. *Todorova M.* *Imagining the Balkans*. Oxford : Oxford University Press, 1997.
21. *Turner B.* Edward W. Said: overcoming orientalism // *Theory, Culture & Society*. 2004. No. 21.1. Pp. 173–177.
22. *Varisco D. M.* *Reading Orientalism: Said and the unsaid*. University of Washington Press, 2017.

Поступила в редакцию: 26.04.2024

Принята к публикации: 08.11.2024